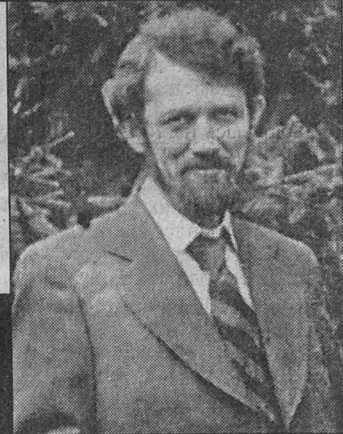

ЭЛЕКТРОЖИВОПИСЬ ВАДИМА БЕРКУТА

Это было время, когда ВООПИК (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры) поднималось к зениту своей популярности. В 70-е годы оно начало конкурировать с московскими музеями. К выставочным залам Общества выстраивались очереди. Впечатление было такое: люди пресытились обещаниями светлого будущего и изголодались по старине. Искали в ней отдушину?

Появились художники, «повернутые назад». Они будто доказывали, что величие России должно создаваться не партийным руководством, а богатырскими традициями стародавних времен. Поэтизировали мечи, шлемы, невест, верных в разлуке своим героям. Константин Васильев, Вадим Беркут... У них было много поклонников, но, очевидно, были и враги. Оба художника погибли при загадочных обстоятельствах. Их смерти оказались поразительно похожими. Творческие судьбы, однако, разошлись. Работы Васильева в значительной степени уцелели. В Лианозове открыт музей художника. А где наследие Беркута? Об этом с тревогой пишет наша читательница, в прошлом активистка ВООПИК.

Ольга НИКОЛЬСКАЯ

Карина МУКОСЕЕВА

У меня был друг, Вадим Беркут. Архитектор-реставратор, художник. Талантливый, красивый и добрый человек. В 70—80-е годы поклонники ломались на его выставки. В год 1000-летия крещения Руси он погиб. Кажется, погибла и сама память о нем.

У Беркута никогда не было мастерской, где, возможно, сохранилось бы его творческое наследие. Сейчас нет такого места и нет такого собрания. Дело в том, что искусство Вадима настолько задевало людей, что каждый немедленно хотел что-то унести к себе домой. Как непосредственному организатору выставок Беркута, мне не единожды приходилось с этим сталкиваться. Его начальство бесцеремонно, без всякого на то права, отбирало самые значительные и крупные по размерам его работы. Помню эти кабинеты «Росреставрации» в Измайлове. Один из устройств выставки на Лубянке прибрал к рукам несколько десятков (!) графических листов, которые Вадим создавал в Прибалтике и Польше.

Как реставратор он работал во Владимире, Ярославле, Угличе, Сызрани, многих других городах — там тоже могли осесть его произведения. Что-то могло сохраниться в Центральном Доме архитекторов, в Музее истории и реконструкции Москвы.

Что я могу сказать совершенно точно, это то, что мой друг никогда не ставил себе задачу обогатиться за счет собственного творчества. У него никогда не было денег, чтобы купить или снять себе мастерскую, но его работы были его лабораторией. Они были необходимы ему, потому что всю жизнь Беркут находился в процессе поиска. Его исследователь-

ская работа никогда не прекращалась.

Кроме чисто тематической ценности, работы Беркута уникальны по технике. У него не было предшественников, не видно и последователей. Он создавал монументальную графику способом выжигания по дереву. Естественно, он рисовал, как все архитекторы, и рисовал, сколько себя помнил, с пяти лет. Но чем глубже занимался историей и археологией, чем настырнее сам рылся в земле, ошупывая деревянные укрепления древних построек, срезы и сколы бревен, на ошупь узнавал связь кладки, фактуру древних кирпичей и глиняных сосудов, ощущал влажность и запах головешки старинного пожара на разрезе XII—XIII веков, тем более он приходил к мысли, что нельзя изображать быт тех эпох при помощи холста и масляных красок. Естественнее и честнее было работать огнем по дереву. Ему удалось создать абсолют-

другого времени на собственное творчество у художника не существовало. Он служил начальником проектного объединения «Реставрация» с массой объектов по всей России и десятками подчиненных: архитекторов и строителей. Во-вторых, опасная. Я все время боялась, что он спорит. Кто, какие изобретатели думают о художниках? Помню, как скульптор Эрзя работал по дереву зубной бормашиной. А у Беркута был самый примитивный, пионерский электроаппаратик для выжигания в виде толстой авто ручки. И уж он его гонял по

качался от боли и сам все смотрел, смотрел жадными глазами на доску, молча, напряженно.

Он очень редко делал наброски. Все из-за нехватки времени. Замысел целиком существовал в его голове. Постоянно возникала проблема достать качественную фанеру, причем со временем все более и более крупную по размеру. На нее карандашом наносился эскиз. Затем рисунок тонирировался акварелью, чрезвычайно редко — маслом. Все оттенки красок должны были быть мягкими, теплыми, чтобы соответствовать фактуре древесины. Дальше начиналось самое главное. Концом раскаленной проволоки, как жало торчащей из аппарата, рука Вадима наносила первые — мелкие, легкие штрихи. Сплавления волокна древесины, кроша, глядя, чиркая, опалая, художник добивался различных оттенков густого темного цвета. Рисунок на глазах оживал. Слово заезженное, но правильно передает суть происходившего.

При всем том из рук мастера выходило произведение, одухотворенное мыслью и чувством. Эмоциональное воздействие на зрителей таково, что не только видишь какое-то определенное историческое детство, но как бы слышишь звуковой ряд: голоса людей, свист, лязг оружия, храп лошадей, музыки.

Лучшие свои работы Беркут называл просто: «Кремлевские

стены, XVI век», «Коломна Ивана Великого», «Кремль, XVI век», «Москва, XVII век», «Кремль в Смоленске», «Стены Смоленского Кремля», «Кремль, Нижний Новгород», «Сполох», «Чудо (град Китеж)», «Ботик Петра I на Измайловских прудах», «За землю русскую», «Ночные гонцы», «Петр I». Последней работой, любимым его портретом, Вадим всегда начинал свои экспозиции и свои каталоги. Только лицо царя. И в нем — необычайно экспрессивно выражены сила и боль человека. Художник делал и портреты, и композиции. У него есть грандиозный триптих «Русь непобедимая», лирические архитектурные пейзажи. Он занимался графикой, работал и на картоне, и на бумаге.

В Москве были три его выставки. В Знаменском соборе Зарядья на улице Разина — прежней и теперешней Варварке, в Успенском соборе Крутицкого подворья, в огромном Доме культуры прежнего издательства «Правда». Это 79—81-й годы. О нем говорили. Но потом я надолго уехала, а приехав, узнала: его убили. Странный случай. Перед смертью Вадиму разmozжили правую руку. Не знали, что он был левшой?

Не могу поверить, что его забыли, забыли его творчество. Отзовитесь, дорогие москвичи. Давайте вместе разыщем картины и рисунки Вадима.

**В Москве были три его выставки.
В конце 70-х годов. О нем говорили.
Но потом я надолго уехала,
а приехав, узнала: его убили.
Странный случай. Перед смертью
Вадиму разmozжили правую руку.
Не знали, что он был левшой?**

ную гармонию замысла, композиции и цвета, диктуемого материалом. Историки и археологи, ученые и архитекторы — я тому свидетель — очень высоко оценивали результат деятельности Вадима. Публика восторгалась, любила его.

И, надо сказать, та работа была адски трудной. Во-первых, она происходила ночью. Потому что

столько времени, что тот начинал глупиться у него в руке. На шнур страшно было смотреть. Беркут работал левой рукой. Не могу забыть эту, ужасавшую меня, кисть художника — стертую, всю в волдырях. Помню, как не выдерживала и начинала орать в голос: «Прекрати, ты уже дымишься!» — а он никак не мог остановиться. Стаскивал перчатку, тряс рукой,